
«ДИАЛОГ О ЯЗЫКЕ» (1535—36) ХУАНА ДЕ ВАЛЬДЕСА. ОТ ФОРМЫ К СОДЕРЖАНИЮ

Е.Э. Кистерева

Кафедра иберо-романского языкознания
Филологический факультет
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
1-й ГУМ, 1-51, ГСП 1, Ленинские горы, Москва, Россия, 119991

В данной статье рассматривается мало изученный в отечественной лингвистике грамматический труд об испанском языке «Диалог о языке» (1535—1536) испанского гуманиста Хуана де Вальдеса, творчество которого не заслуживает должного внимания в нашей стране. «Диалог о языке» является представителем ренессансного диалога, наследника греко-латинской традиции, и посвящен кастильскому языку, соотношению его норм и узуса, стилистическим и лексическим вопросам. Наше внимание в рамках данной статьи уделяется жанровым особенностям этого сочинения и взаимоотношению автора и представляющего его в диалоге персонажа. Анализ проводится с точки зрения сочетания различных стилевых и жанровых особенностей языка в «Диалоге», благодаря чему в сочинении можно выделить черты научного стиля (и рассматривать «Диалог о языке» как грамматику кастильского языка, лингвистический комментарий), а также художественного произведения (сценический или философский сократический диалог).

Ключевые слова: Хуан де Вальдес, испанское языкознание, первые грамматики испанского языка, диалог Возрождения, историческая лингвистика, Испания «Золотого века», испанское Возрождение.

Первые испанские грамматики сыграли важнейшую роль в становлении и развитии теории языка в Европе Нового времени, закрепив за собой первенство в хронологии появления и выработке инструментов описания языка. Конечно, наравне с этим испанские грамматики отражают в первую очередь этапы и ступени развития испанских филологических воззрений, языковой политики и философии языка испанских гуманистов.

Несмотря на то, что «Диалог о языке» Хуана де Вальдеса в рамках современной мировой романистики представляет собой знаменательный труд знаменательного автора, в русской лингвистике жизнь и творчество Вальдеса мало изучены, и его имени как представителю грамматической школы Испании уделяется недостаточно внимания.

В данной работе предметом исследования является «Диалог о языке» Хуана де Вальдеса (Juan de Valdés, *Diálogo de la lengua*, 1535—36, далее — ДЯ) как первая грамматическая работа, посвященная испанскому языку, написанная в форме диалога.

К XVI в. диалог как жанр текста имеет уже богатую историю развития, которая корнями уходит в античность, и широко используется преподавателями и людьми научной сферы.

В связи с этим интересно рассмотреть ДЯ с точки зрения академических обучающих текстов и их жанровых особенностей.

«Диалог о языке» написан в форме живой беседы, протекающей между самим автором, Вальдесом, весьма образованным человеком, выросшим в высших кругах, его соотечественником, военным Пачеко Торресом, не столь искушенным в тонкостях испанского языка, и двумя итальянцами, Марчо и Кориоланом.

Данное обстоятельство (разговор между людьми разных национальностей, сфер жизни и уровней образования), несомненно, накладывает отпечаток на построение текста и его жанровые характеристики.

Попробуем проанализировать ДЯ как феномен обучающего диалога о языке с точки зрения его жанровых особенностей и выявить соотношение и особенности сочетания разных по стилистике и жанрам элементов в рамках сочинения.

Вальдес: автор и персонаж. При рассмотрении ДЯ невозможно обойти вниманием взаимоотношения Вальдеса-автора и Вальдеса-персонажа. Несомненно, что Вальдес как персонаж не является полным отражением своего жизненного прототипа, но, несмотря на это, можно с большой долей уверенности отождествлять взгляды персонажа на язык и его развитие со взглядами самого Вальдеса. Вальдес-персонаж — это, говоря словами М.М. Бахтина, *«изображенный образ, имеющий своего автора, носителя чисто изображающего начала»* [1. С. 305]. В тексте можно найти некоторые несовпадения во взглядах о языке «истинного» автора и изображенного. В случае с ДЯ кажется, что настоящий Вальдес, создавший этот текст, специально создает систему двойного преломления действительности: во-первых, делая себя персонажем разговора, во-вторых, разговора, который был записан без ведома «настоящего» Вальдеса и который он впоследствии должен был отредактировать [1]. Т.е. текст этого действительного разговора (если таковой вообще имел место быть) терпит обработку и корректировку Вальдесом, который в угоду себе способен был изменить черты и особенности речи персонажей и свои в том числе, местами в словах персонажа-Вальдеса изменяя свое истинное мнение. Словами Бахтина, Вальдес использует «непрямое говорение», т.е. Вальдес-автор говорит через всех персонажей, а не только через Вальдеса-персонажа, автор разлит по разным высказываниям [2].

Тем самым, по Бахтину, делается неясной граница объективности и «субстанциональной тени» писателя в тексте [там же]; Вальдес, делая себя персонажем этого произведения, выражает себя, т.е. делает себя объектом для другого и для самого себя (что соответствует первой ступени объективации). Читателю остается только угадывать, где расходятся сознание и субъект Вальдеса-автора и Вальдеса-персонажа.

Вопрос в том, зачем и насколько смешивает сознание этих двух субъектов. С одной стороны, любое суждение Вальдеса из ДЯ воспринимается нами сейчас, в силу объективности времени, и т.к. мы смотрим со стороны, частью системы идей Вальдеса как автора, мыслителя-гуманиста. Это вполне логично с точки зрения нормального обычного прочтения текста, во-первых, приписывать принадлежность строк персонажу, имя которого перед ними стоит, и даже, во-вторых, приписывать строки персонажа автору всего произведения, если их имена совпадают.

С другой стороны, нельзя забывать, что было бы не совсем разумно отождествлять автора и его изображение в одном из персонажей, пусть самим автором

сделанное. Так, например, как не следует полностью представлять личность Сократа в наиболее полном смысле идентичной Сократу из диалогов Платона, так и не можем мы полностью отождествить Вальдеса из «Диалога» с его создателем.

Мы также должны иметь в виду, что Вальдес был весьма большим шутником, любителем иронии, сарказма и всевозможных трюков, в частности, в языке. Поэтому естественно ожидать в изображении персонажей некоторой иронии, искажения и/или преувеличения. Так, в ДЯ Вальдес-персонаж как бы стоит на одном уровне с другими персонажами и не знает больше, чем они, находится в той же реальности, где и они. Поэтому можно в данном случае говорить о ДЯ как о литературной выдумке, «фикции» (термин зарубежных романистов, например, Г. Ашпенберг, К. Анипа) с определенно сконструированной реальностью и действующими лицами.

В XVI в. было весьма распространено переиздавать диалоги и тексты других жанров с добавлением комментариев и замечаний издателя, что должно было служить облегчению понимания текстов или их эстетической корректуре. В «Диалоге» Вальдес-автор выступает таким корректором, т.к. он должен оформить красиво и стильно записанный писцом разговор четырех друзей.

Письменная и устная речь в «Диалоге». «Диалог» является памятником письменной традиции, зафиксированным текстом конкретного автора. Но весь текст является, по словам автора, записью и доработкой устной беседы, поэтому интересно рассмотреть черты устной и письменной речи в ДЯ.

«Диалог о языке» в том виде, который дошел до нас, — это выполненная Вальдесом отредактированная и украшенная запись разговора, состоявшегося приблизительно в 1535 г., между самим автором и тремя его друзьями близ Неаполя. О том, что разговор был зафиксирован писцом, Вальдес-персонаж узнает лишь в самом конце, когда и получает просьбу доработать текст [3].

Отсюда можно заключить, что текст преломляется несколько раз. Вальдес переводит речь собеседников-итальянцев на испанский, хотя в «действительном» разговоре они использовали итальянский. Вследствие этого у читателя может возникнуть чувство, что Кориолан и Марчо почти в совершенстве владеют испанским языком и говорят как носители. Мы можем лишь догадываться о степени преувеличения Вальдеса, когда его персонажи свободно беседуют по-кастильски и довольно часто используют игру слов или шутки.

Кроме того, устный разговор был зафиксирован в письменной форме (сначала Аврелиано-писцом, а затем довершен Вальдесом-автором), поэтому в случае с написанным ДЯ можно говорить о фиктивности речи: во-первых, вся ситуация коммуникации в целом воспроизведена по «черновику», и, во-вторых, спонтанность искусственна (нивелируется осознанием того, что это лишь некая транскрипция разговора).

Для сегодняшнего читателя также остается загадкой, был ли в действительности этот разговор, или все сочинение — это литературная фикция. По мнению некоторых исследователей, такой разговор действительно состоялся, и каждый персонаж имеет своего прототипа [4]. Например, Пьетро Бембо в одном из своих писем упоминает о похожей беседе-диалоге во время экскурсии на виллу кайзера

Адриана в Тиволи близ Рима, где собеседниками выступают Рафаэль, Кастильоне, Навагеро [5].

Устная речь в сочинении, по сути, фиктивна, потому как зафиксирована письменно. Однако эта призма очень тонка, и Вальдес мастерски передает в тексте устный и свободный характер беседы, используя особенности устной разговорной речи. Например, спонтанность:

Coriolano. — *Dezís muy bien, presto será hecho.* (Это вы хорошо говорите. Так и сделаем.)

Valdés. — *Ora sus, vedme aquí más obediente que un fraile descalço quando es comidado para algún vanquete.* (Да что вы, я же с вами более послушный, чем нищий монах, приглашенный на банкет. — Пер. наш — Е.К.) [5. P. 20], —

повторы, прерывистость и нечеткую структуру:

Pacheco. — *Vos me avéis respondido como yo merecía. Proseguid adelante.* (Вы мне ответили так, насколько я заслуживаю. Продолжайте.)

Valdés. — *No tengo más que proseguir, ni vosotros os podréis quejar que no os he dicho hartas gramatiquerías.* (Я не обязан продолжать, да и вы не можете жаловаться, что я вам рассказал недостаточно грамматических штук.) [Ibid. P. 51], —

эллипсис и короткие предложения:

Pacheco. — *¡Y en los [vocablos] que tienen je?* (А в тех, где je?)

Valdés. — *En estos no [scrivamos].* (В этих нет.)

Pacheco. — *¿Cómo no?* (Как нет?) [Ibid. P. 61]

Несмотря на то, что разговорные жанровые особенности встречаются очень часто, наравне с признаками устной речи необходимо выделить и признаки *письменной речи* в ДЯ.

В силу того, что записанный разговор дорабатывается Вальдесом, а также того, что собеседники относятся к образованной и начитанной публике, речь всех четверых в разговоре, несмотря ни на что, благородна и никак не вульгарна.

Она наводнена распространенными предложениями и пространными рассуждениями, благодаря чему диалог имеет сходство с философскими диалогами греческих авторов и логическими рассуждениями, например:

Pacheco. — *Es muy bien dicho y muy bin mirado, aunque es, en la verdad, rezia cosa obligaros a tantas sutilezas sin necesidad.* (Это очень хорошо сказано и подмечено, хотя и следует признать, что это слишком жестоко заставлять Вас говорить о таких тонкостях без необходимости.)

Valdés. — *Si que es rezia sin necesidad, pero con necesidad no es rezia, y de necesidad tiene de observar todo esto el que quiere scrivir bien y propiamente, y ninguna cosa voluntaria es dificultosa.* (Это действительно жестоко и не необходимо. Но с необходимостью это не было бы жестоко. И по необходимости в это все должен вникать тот, кто желает писать правильно и красиво.) [Ibid. P. 65]

Следует также отметить, что благородные итальянцы запланировали этот разговор заранее, поэтому они изначально предлагают структуру беседы, которая приблизительно сохраняется: грамматика, орфография, морфологические вопросы,

стиль и литература. Т.е. в этом аспекте диалог представляет собой подготовленную устную речь, переведенную в письменный вид.

Обсуждаемые вопросы почти во всех случаях касаются письменного языка (итальянские друзья изначально запланировали эту встречу, чтобы расспросить Вальдеса об особенностях языка в его письмах [6]). Следовательно, примеры Вальдеса приводит из литературы, из народной поэзии и, конечно, из огромного фонда пословиц и поговорок. Последние к XVI в. уже не имели лишь устную форму бытования. Встречаясь еще в «Песни о моем Сиде», уже при Альфонсе Мудром “refranes” становятся объектом экзегезы, встречаются в составе письменных памятников (“Libro del caballero Zifar”, 1301, используются Альфонсом Мудрым как концовки документов). Так они становятся (параллельно с устным бытованием) литературным приемом. Поэтому в «Диалоге» пословицы и поговорки — представители как письменных, так и устных жанров (паремии, народная поэзия либо кастильские «классические» авторы) [7].

Обратимся к словам Вальдеса-персонажа, который провозглашает, что это нелепо, если в народном языке произносят по-одному, а пишут по-другому [8]. Опираясь на вышеупомянутое, можно увидеть, что Вальдес не рассматривает отдельно устный и письменный язык в диалоге, но выступает за соответствие письменного выражения устному [9].

Форма написания и жанр ДЯ. ДЯ написан в форме диалога, что обуславливает связь и сопоставление с традицией диалогов Платона и последующей (Эразм, Бембо, Кастильоне и многие другие). Однако было бы не совсем правильно видеть в ДЯ только философский диалог. Круг обсуждаемых в нем вопросов касается языка и, если угодно, филологических вопросов, что делает работу более схожей со школьными беседами учителя и учеников, собеседники-инициаторы разговора задают вопросы Вальдесу о проявлениях языка, где они сомневаются, и он объясняет им свое мнение по поводу употребления единиц, норм и узуса.

Можно предположить, что для Вальдеса было более интересным и более легким выразить свои идеи о языке в форме такой работы, диалога (он не хотел повторять Небриху, который пытался создать строго научную грамматику, также это было более свойственно его натуре и веяниям времени, моде между гуманистами). В таких обстоятельствах речь идет уже отчасти о художественном произведении, где идеи и мысли самого Вальдеса о языке разлиты по репликам всех четырех персонажей, что снимает ответственность с самого автора, а также придает работе оттенок занимательности. В случае с ДЯ можно определить сам ДЯ как целостное произведение и как диалог — вторичный речевой жанр (по Бахтину), состоящий из сочетания и наслоения различных простых речевых жанров, принадлежащих к разным функциональным стилям.

Наравне с этим диалог подразумевает некоторую открытость и неструктурированность. Он может длиться любое количество времени и затрагивать то один топик, то другой, частные случаи или отдельные явления. При этом вопросы могут оставаться без ответа или вывод может оказаться спорным.

В диалоге Возрождения более распространенной был не тип платоновского диалога с главной фигурой-персонажем, чьему мнению уделялось особое внима-

ние, но форма беседы нескольких персонажей со своими точками зрения, свойственная, например, Цицероновскому «Об ораторе» [10] (интересно, что во времена Вальдеса существовало противостояние приверженцев Эразма и Цицеронианцев; но Вальдес соединяет две точки зрения и стоит посередине, будучи эразмистом по взглядам, при этом используя некоторые черты Цицеронианской традиции в сочинениях). В «Диалоге о языке» Вальдеса как раз наблюдается демократичность и равенство персонажей в свободе выражения.

Исходя из многогранности речи персонажей, стилей изложения и калейдоскопического сочетания языковых средств разных регистров, в диалоге можно найти черты различных жанров.

Научный текст. Так как ДЯ посвящен языку и, говоря современными терминами, филологически и языковедчески ориентирован, сочинение можно рассматривать как *грамматическую работу*, посвященную кастильскому языку.

Некоторые исследователи (Лопе Бланч, К. Анипа, Дж. Перри) не относят «Диалог» к грамматике в строгом смысле, т.к. структура не выдержана настолько четко, как, например, у Небрихи, Барруша и Оливейры, текст отличается спорадичностью изложения. Но в сочинении, несомненно, описан язык в его проявлениях, случаи употребления, обсуждаются вопросы синхронии и диахронии, стиля и орфографии. В данном сочинении Вальдес отдыхает от теологических хитросплетений и обращается к формальным вопросам языка, что связано с мирской жизнью и политикой [4. Р. 81—102]. Т.е. здесь Вальдес выступает не как теолог, а как филолог.

Кроме того, Вальдес смотрит более широко и свободно, нежели Небриха, поэтому избирает более свободную форму изложения. Времена изменились, изменилось и отношение к написанию (вспомним работы Эразма, Бембо, Сперони, Кастильоне, написанные в форме диалога). Вальдес, как истинный гуманист, восклицает (вслед за Эразмом и Л. Вивесом), что язык нельзя выучить по списку правил и исключений, сухо собранных в «грамматику» [11], и правильное пользование языком всегда связано с интеллектуальной работой, языковым чутьем, рефлексией (в таком видении прослеживается Вальдес-теолог и Вальдес-гуманист). Это связано с любовью к живой народной речи, что сближает Вальдеса с Эразмом и гуманистами, с их вниманием к “*uso*” переводу. Соответственно, именно в диалоге больше всего можно отразить особенности устной живой речи.

В тексте «Диалога» разлиты идеи и соображения Вальдеса о языке и его бытовании, которые высказываются устами всех четверых персонажей, как положение, вывод, как вопрос или просто высказанная мысль. В таком контексте возможно назвать Вальдеса политическим, социальным и литературным критиком (Перри, Анипа), филологом (Каньяс), социолингвистом, а работу *лингвистическим комментарием*, или социолингвистическим комментарием, оформленным в диалогичной форме.

Разговорный текст. Текст сочинения — это записанная беседа четверых друзей, и этот текст сохраняет большое количество признаков разговорного стиля и устной речи (см. выше). Поэтому вполне возможно определить «Диалог» как перенесенный на бумагу разговор-диалог.

Между участниками общение проходит на весьма неформальном уровне, с большой долей иронии, присутствует общее фоновое знание (вспомним о договоренности провести такую беседу), беседа протекает в дружественной обстановке в уединении от города. В тексте встречается великое множество маркеров устной речи. Разговорная речь больше всего используется в диалоге, но речь образованных людей придворных кругов, что накладывает свой отпечаток на стилистику.

Литературный текст. Исходя из предпосылки, что устная беседа зафиксирована писцом, а после этого облагорожена Вальдесом и поэтому является литературной фикцией, возможно рассмотреть ДЯ как сочинение художественной литературы.

Например, «Апология» Платона рассказывает о судебном процессе Сократа, т.е. это событие, интерпретированное на бумаге Платоном. Но А.Ф. Лосев замечает: «Сочинение Платона вряд ли представляет собою подлинно засвидетельствованную речь Сократа. Скорее всего, это ее художественное стилизованное воспроизведение, имеющее, однако, большую историческую ценность. Процесс Сократа в Афинах был делом слишком известным и громким, чтобы можно было ожидать от Платона, человека, близкого к Сократу, хорошо осведомленного о ведении процесса, значительных отклонений от действительных событий» [2. С. 509].

Похожа ситуация с Вальдесом. Конечно, в значимости события и его известности разговор Вальдеса не может сравниться с диалогом Платона. Но если у Платона это «художественное стилизованное воспроизведение» претендует на точность, в случае с ДЯ читатель не в силах судить о мере объективности автора. Вальдес свободен и может играть характерами и фактами.

Рассматривая ДЯ как литературный текст, опираясь на его форму, можно отнести ДЯ к драматургии. Ведь текст представляет собой следующие друг за другом реплики собеседников, также имеется рамка повествования (в начале произведения, когда друзья договариваются о содержании и целях разговора, и в заключение, когда они возлагают на Вальдеса обязанность написать «Диалог»). Некоторые ученые (Х. Ашенберг) называют «Диалог» *сценическим диалогом* и говорят о классической драме.

В «Диалоге о языке» можно увидеть и черты философской литературы, прежде всего благодаря форме написания и изложения, вследствие чего ДЯ становится в один ряд с *сократическим диалогом*.

Так, в произведении присутствует повествовательная рамка (друзья собираются на природе, обсуждение вопроса записи). Несмотря на демократичность беседы, все-таки образ Вальдеса является центральным, подобно образу Сократа.

Что касается объектов обсуждения, то здесь в «Диалоге» ими выступают отдельные вопросы о языковых употреблении, социополитические аспекты языка, также психолингвистическая рефлексия (говоря современными терминами).

Несомненно, нельзя не обозначить дидактическую направленность «Диалога о языке», что характерно для Аристотеля и перипатетиков. Вальдес выступает учителем перед страждущими объяснений собеседниками. Задаются различные вопросы, каждый персонаж вполне свободно переспрашивает, перебивает или ком-

ментрирует, т.е. присутствует плюрализм мнений. Также, как было упомянуто выше, творчеству Вальдеса были свойственны цicerоновские черты.

Сочинение является одним из многочисленных представителей диалогов, написанных европейскими гуманистами. В диалогах Вальдеса видны отголоски диалогов Эразма, Вивеса, Бембо, Кастильоне, также Европа породит множество диалогов, следующих греко-латинской традиции, в различных областях знания (Г. Галилей, Т. Тассо, В. Кардуччи и далее).

«Диалог о языке» Хуана де Вальдеса занимает свое место в обширном ряду сочинений Возрождения, оформленных как диалог. В ренессансном диалоге взаимоотношения между формой и содержанием уникальны в каждом сочинении. Диалог выступает пограничной формой между текстами различных стилей и жанров, соединяет классическую традицию и гуманистические ценности. Он находится на границе драматического, с его театральностью, и научного, с тяготением к форме трактата или эссе. «Диалог» становится первой работой о грамматике кастильского языка, написанной в такой форме.

Взгляды Вальдеса разлиты по репликам всех четырех персонажей (Вальдеса, Пачеко, Марчо и Кориолана), которые предположительно имели реальных прототипов и, следовательно, собственные взгляды по некоторым вопросам.

В силу того, что диалог — это отредактированная запись состоявшегося разговора, речь идет о двойном преломлении изначально высказанного. Т.е. в тексте сочетается «фиктивная разговорная» речь с письменной. Но так как перед читателем запись устного разговора, то и маркеры разговорной речи преобладают в тексте.

Исходя из многогранности речи персонажей, стилей изложения и калейдоскопического сочетания языковых средств разных регистров, в диалоге можно найти черты различных жанров. По жанровым и стилевым особенностям сочинение можно рассматривать как текст научного стиля (грамматика кастильского языка, лингвистический комментарий), художественное произведение (сценический или философский сократический диалог), а Вальдеса — как грамматика, филолога, лингвиста, социокритика, писателя и, конечно, гуманиста.

В данной статье мы рассмотрели особенности отношений между Вальдесом-автором и представляющим его персонажем в «Диалоге о языке», а также коснулись жанровой специфики этого сочинения, соединяющего в себе черты текста различных жанров. Данный анализ является частью исследования об испанском гуманисте XVI в. Х. де Вальдесе и его «Диалоге о языке» как особом представителе ренессансного диалога.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров; Текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; Примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. — 2-е изд. — М.: Искусство, 1986.
- [2] *Платон.* Сочинения в четырех томах. Т. 1 / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; Пер. с древнегреч. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2006.

- [3] *Crews D.A.* Twilight of the Renaissance: the life of Juan de Valdés. University of Toronto Press Incorporated, Scholarly Publishing Division, 2008.
- [4] *Serrano Cañas, R.* Lengua y espiritualidad del judeoconverso Juan de Valdés // El Olivo. Documentación y estudios para el diálogo entre judíos y cristianos. — 2008. — XXXII, 68. — P. 81—102.
- [5] *Valdés, Juan de.* Diálogo de la lengua. — Madrid: Espasa-Calpe, S.A., 1946.

“DIÁLOGO DE LA LENGUA” (1535—36) BY JUAN DE VALDÉS. FROM FORM TO CONTENT

E.E. Kistereva

Faculty of Philology
Lomonosov Moscow State University
I GUM, 1-51, GSP 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991

This article is dedicated to “Diálogo de la lengua” (1535) by a Spanish grammarian of the Renaissance Juan de Valdés whose personality and works are not so widely known in Russia. “Diálogo de la lengua” represents the Renaissance dialogue, heir to the Greek-Latin traditions and is dedicated to the Castilian language, the interrelation of its norms and Language Usage, stylistic and lexical issues. The attention is focused on the genre features of “Diálogo” and the relationship of the author and the character to represent him in the dialogue. The analysis is conducted in terms of a combination of various stylistic and genres features of the language in the “Diálogo” making it possible to distinguish the traits of scientific style in the work (and to consider the “Diálogo de la lengua” as a grammar of the Castilian language and linguistic comment), as well as a work of art (scenic or philosophical Socratic dialogue).

Key words: Juan de Valdés, Spanish linguistics, the 1st grammars of the Spanish language, the Renaissance dialogue, historical linguistics, Spain of the Golden Age, Spanish Renaissance.

REFERENCES

- [1] *Bakhtin M.M.* Estetika slovesnogo tvorchestva [Questions of Literature and Aesthetics] / Sost. S.G. Bocharov; Tekst podgot. G.S. Bernshteyn i L.V. Deryugina; Primech. S.S. Averintseva i S.G. Bocharova. — 2-e izd. — Moscow: Iskusstvo, 1986.
- [2] *Platon.* Sochineniya v chetyrekh tomakh [Collected works in 4 volumes]. T. 1 / Pod obshch. red. A.F. Loseva i V.F. Asmusa; Per. s drevnegrech. — Saint Petersburg.: Izd-vo S. Peterb. un-ta; Izd-vo Olega Abyshko, 2006.
- [3] *Crews D.A.* Twilight of the Renaissance: the life of Juan de Valdés. University of Toronto Press Incorporated, Scholarly Publishing Division, 2008.
- [4] *Serrano Cañas R.* Lengua y espiritualidad del judeoconverso Juan de Valdés // El Olivo. Documentación y estudios para el diálogo entre judíos y cristianos. 2008. — XXXII, 68. — P. 81—102.
- [5] *Valdés, Juan de.* Diálogo de la lengua. — Madrid: Espasa-Calpe, S.A., 1946.